

Изъ дневника Мыютинскаго миссіонера за 1890 годъ.—
«Недавно я былъ въ Могойтѣ. Остановились у стараго Тіймеша. Собрали всѣхъ крещенныхъ и некрещенныхъ, между послѣдними былъ татаринъ Айльзакъ, всего собралось человѣкъ до 50.

— Правда ли, Айльзакъ, сказалъ я, что Богъ явилъ тебѣ свою милость? Расскажи-ка мнѣ.

— Я не помню ничего; говорятъ, что я обѣщался поставить свѣчу Николѣ.

Вреть онъ, закричали со всѣхъ сторонъ. Онъ хворалъ, много разъ призывалъ кама, три лошади прокамлалъ. Покамлаеть—хуже. Наконецъ такъ крѣпко захворалъ, что думали, вотъ-вотъ умереть. Тутъ Айльзакъ попросилъ принести икону св. Николая.

— Молиться хочу истинному Богу. Если выздоровлю, окрещусь. Такъ говорилъ Айльзакъ.

Принесли икону, поставили надъ больнымъ. Айльзакъ сталъ призывать на помощь св. Николая и Великомученика Пантелеимона. Молилась съ нимъ и мать его родная.

Затѣмъ Айльзакъ сдѣлался, какъ трупъ, ни рукой ни ногой пошевелить не могъ. Думали, что онъ умеръ. Оказалось, что Айльзакъ заснулъ, проснувшись, онъ почувствовалъ, что болѣзнь его прошла.

— Правда, правда, молилась и я, отозвалась тутъ бывшая мать Айльзака. Я не хочу кривить душею; томилась, мнѣ жалко было сына, молилась. Я люблю правду, не покрою сына: онъ молился и обѣщался креститься.

— А тебя какъ зовутъ?—спросилъ я у матери Айльзака.

— Домна.

— Твое имя не татарское. Что же ты не крестишься? Ты сама видѣла силу Божию. Что же ты думаешь?

— Буду уговаривать сына, будемъ всѣ вмѣстѣ креститься.

Послѣ разговоровъ со всѣми, старикъ Каланъ сказалъ: я хочу креститься, когда мнѣ пріѣхать въ Мыоту?

Я назначилъ время.

Миссіонеръ, священникъ В. Постниковъ.